

— Простите за ожидание, уважаемые господа! — с широкой, лучезарной улыбкой до самых ушей вошёл Тан Шоу. — Услышал, что вы хотите заказать торт. Скажите, какого размера, какой формы? Хотите, чтобы мы написали поздравление?

Наконец-то! Покупатели пришли, деньги вот-вот пойдут в дом — настроение у него было лучше некуда.

Ван Сюн в душе едва не вознес хвалу небесам: наконец перед ним человек, который выглядел по-человечески, с добрым лицом, а не как вышедшее из подземелья божество кары. Вот это — настоящий торговец, как и положено!

— Какой самый большой торт вы можете сделать? — выдохнул он разом. — Сделайте самый огромный, какой только возможно. Слышал, у вас бывают двухъярусные — пусть будет именно такой. И да, надо надпись: «Долголетие, как у Южных гор, и счастье, как у Восточного моря».

— Надпись — легко, — кивнул Тан Шоу. — Только позвольте уточнить: вы хотите торт унести с собой? Если он будет слишком большим, а дорога тряская — боюсь, он просто развалится в пути. Может, сделать немного поменьше?

— Нет, это невозможно, — покачал головой Ван Сюн. — Этот торт мне нужен для особого случая. Он должен быть максимально большим, обязательно.

Тан Шоу на мгновение задумался, потом мягко проговорил:

— Полагаю, вы хотите подарить этот торт ко дню рождения... судя по всему, очень важному человеку. В таком случае не стоит рисковать. Если подарок окажется испорченным — из доброго намерения может выйти обида. Лучше немного осторожности, чем потом сожалеть.

— Но я... — Ван Сюн горько усмехнулся. — Не скрою: торт я хочу подарить главной госпоже нашего рода, прямой наследнице. В тот день моя жена оставила мне половину куска, и, попробовав его, я сразу понял — вещь поистине драгоценная. Говорят, это искусство родом из дворца прежней династии, в народе такого не сыскать. Я и подумал — поднесу этот торт в Дунцзине. Ведь если говорить о редкостях и сокровищах, мне, живущему в бедной глуши, не угнаться за прочими, кто держит сокровища да драгоценности. Остаётся идти другим путём. Если возможно... господин Сюн-фулан, не согласитесь ли вы поехать со мной в столицу? Деньги — не проблема, всё обсудим.

— Ни за что! — раздался раскатистый, словно удар грома, голос Сюн Чжуаншаня, и пронёсся он с такой силой, что воздух будто задрожал.

Только-только оттаявшее сердце Ван Сюна снова сжалось и затрепетало от страха.

— Не... не поедет, так не поедет, зачем же так кричать, — пробормотал А-Чэн себе под нос,

будто надеялся, что грозный хозяин его не услышит.

А Тан Шоу... он и сам не хотел ехать. Дело было вовсе не в деньгах — дело было в людях.

Он понимал: у зажиточных знатных людей есть одно свойство — они больны завистью и жаждой отличиться. Особенно когда дело касается того, чего нет ни у кого другого. Его торт, если уж попадёт в глаза какой-нибудь влиятельной семье, станет для них не просто лакомством — а символом статуса, лицом рода. А значит, они будут хотеть обладать не просто тортом, а самим им, его руками, его рецептом.

Пусть Сюн Чжуаншань и крепок, как гора, один медведь не справится со всей стаей волков. А уж если волки — вельможи, чиновники, богатеи... Закроют его в доме, будут удерживать, уговаривать, соблазнять или просто изолируют — и тогда уже не убежать.

Потому лучше уж сидеть смиренно в своей деревне Синьхуа. Здесь — глаза всех деревенских на тебе, тут к нему с дурным не подойдут. Даже если знатные из столицы приедут, он никуда не пойдёт, а уж нагло забрать его никто не посмеет — раздуется скандал на весь город, никому не будет выгоды.

— Прошу прощения, — с мягкой, но твёрдой улыбкой сказал Тан Шоу. — Я не принимаю приглашений, сколько бы ни предлагали. Кто бы ни захотел попробовать мой торт — может только прийти и заказать его у нас дома. В чужие дома я не хожу.

Может, кто-то другой на месте Ван Сюна и осмелился бы продолжить уговаривать, но не в этом случае — при живом Сюн Чжуаншане, чьё молчаливое, но зловещее присутствие висело в воздухе, как занесённый топор. Ван Сюн достаточно живо представил, как нож, тот самый, что разделяет быков и свиней, режет не мясо — а его собственную плоть. И сразу отмёл любые мысли на тему «а вдруг всё-таки...».

— Раз уж господин Сюн-фулан так решил, — покорно склонил голову Ван Сюн, — не смею настаивать. Но размер... всё же постарайтесь сделать побольше!

— Сделаю вам торт на четырнадцать цуней. Верхний ярус — десять цуней, — кивнул Тан Шоу. — На нём и выведу: «Долголетие, как у Южных гор, и счастье, как у Восточного моря». Такого размера хватит. Только прошу — везите аккуратно, не торопясь, держитесь главной дороги, тогда торт не пострадает.

— Сейчас у меня его нет в наличии, — продолжил он. — Но как только вернётесь домой, немедленно поручите кому-нибудь выковать из железных пластин фигурки в виде лотоса. Внутри можно будет залить масло для ламп. Делать много не нужно — просто два типа: большие — по одной на каждые десять лет, маленькие — по одной на каждый год. Сколько лет исполняется виновнику торжества — столько ламп и ставится.

— Когда принесёте торт, зажгите все лотосовые лампы, — голос у Тан Шоу стал чуть тише, как

будто он приоткрывал маленькую магию, — и пусть именинник загадает желание. Если он сможет за один раз задуть все огоньки — желание непременно сбудется.

Глаза Ван Сюна загорелись, он чуть ли не подскочил от восторга:

— Оказывается, можно и так! Благодарю вас, господин Сюн-фулан, за такую мысль! Сейчас же возвращаюсь и велю мастерам срочно заняться делом!

Шутишь что ли? Да кто ж тебя отпустит — дома залежались зубные благовония, и Тан Шоу ни за что не собирался упускать такого щедрого клиента.

— Не спешите уезжать, — с мягкой настойчивостью проговорил он. — Снег ведь ещё не растаял, дорога скользкая, уедете сегодня — завтра снова придётся добираться сюда. А если решите просто прислать слугу, скажу честно — я не решусь отдать торт в чужие руки. Эта вещь хрупкая, легко испортить. А если испортят — это ведь может сорвать ваше важное дело. Оставайтесь у нас на ночь, отдохните спокойно, а завтра утром заберёте всё лично — и спокойно поедете.

Ван Сюн огляделся и бросил взгляд вглубь дома — в сторону спального помещения семьи Сюн. Осмотрев условия, он всё же покачал головой. Нет, как ни крути, ночевать здесь — испытание не из лёгких. Пол холодный, печь слабая, в такую зиму можно замёрзнуть до костей. Лучше уж помучиться дорогой, чем спать в таких условиях.

— Ну, раз вы не хотите — я настаивать не стану, — легко кивнул Тан Шоу, ничем не выдав разочарования. — Но всё равно давайте оформим договор. Я велю моему мужу сходить в деревню и пригласить грамотного человека. Мы составим расписку. У нас торт по установленной цене: на каждый лишний цунь — плюс сто вэнь, без обмана. Для вас я сделаю нижний ярус на четырнадцать цуней — это выйдет в тысячу двести восемьдесят монет. Верхний — двенадцать цуней, это ещё тысяча восемьдесят. Плюс работа — всё же два яруса, требует усилий. Вся сумма — три тысячи монет. Могу принять и серебром.

Сумма, конечно, для крестьянских людей была астрономическая, но Ван Сюн — не бедняк, для него это почти ничто. Подобные суммы он не считал важными. Но, видя бедность дома Сюн, понимал, что для них это значительная плата. Он оценил их щепетильность, серьёзность и честность — и с готовностью согласился на подписание контракта.

На самом деле, вся эта суэта с «приглашением грамотного человека для оформления контракта» была не чем иным, как тактикой замедления войск, ловко спланированной Тан Шоу. Сюн Чжуаншань отправился звать писаря не столько ради договора, сколько потому, что Тан Шоу хотел оставить гостей у себя подольше.

Раз Ван Сюн додумался до того, чтобы подарить торт в качестве поздравительного дара, значит, во-первых, он явно впитал его рекламную легенду — будто этот торт в прежние времена ели лишь императорские особы. А во-вторых, он точно был гурманом. А что известно о настоящих гурманах? Они не умеют сопротивляться вкусному. Тан Шоу решил: стоит

накормить такого человека — и он уже не захочет уходить. Пусть попробует одно, захочет и второе, и третье — и не заметит, как станет постоянным заказчиком.

Как только Сюн Чжуаншань ушёл, Тан Шоу тоже отлучился — направился в погреб. Вытащил припасённое мясо, установил железный котёл, разжёл огонь и стал готовить. Он выбрал блюдо не случайно: гуобаожоу — сладковато-кислое хрустящее мясо в глазури. И мясо, и сахар — всё, что любит человек с тягой к десертам. Аромат у блюда сильный, насыщенный, зовущий.

Специально Тан Шоу не закрыл дверь плотно, чтобы запах во время жарки распространялся по всему дому — и, главное, проник в гостевую, где сидели Ван Сюн с А-Чэном.

Запах достиг цели. Ван Сюн, не в силах усидеть, начал вертеться, выглядывать наружу:

— Что это у семьи Сюн ужин в такую пору? Странно. И что они там готовят — пахнет-то как...
— он вытянул шею, втягивая аромат, глаза заблестели.

— Не говорите, господин, — простонал А-Чэн. — У меня уже живот урчит. Где там этот мясник-то запропастился?

Запах становился всё более густым, крепким, пряным. У Ван Сюна в животе громко заурчало. Обычно в этот час он лакомился сладостями, пирожными, закусками... а сегодня, как назло, ушёл по делам — и ни крошки с собой не взял.

— Господин, — осторожно начал А-Чэн, — вы ведь с утра на ногах, с делами, ни крошки во рту... Позвольте, я пойду на кухню посмотрю, что они готовят. В крайнем случае — мы ведь можем и заплатить, поесть по-человечески.

Ван Сюн только с облегчением кивнул — А-Чэн сказал то, о чём сам он уже давно мечтал, томимый жарким, сладковатым ароматом, который, казалось, пробирался прямо в желудок и щекотал изнутри. В голове у него уже рисовались образы золотистой корочки, растекающегося по языку вкуса, мягкой текстуры...

— Иди, иди. Только поговори вежливо, — велел он. — Мы ведь путь неблизкий проделали, в снег да по холоду, кто бы не проголодался?

— Есть! — отозвался А-Чэн и бодро направился на кухню.

Увидев Тан Шоу, он тут же расплылся в улыбке:

— Господин Сюн-фулан, а что вы готовите? Пахнет божественно.

— Гуобаожоу, — невозмутимо ответил Тан Шоу.

На плите уже стояла тарелка с румяными, золотистыми кусками мяса, хрустящими с виду, источающими густой, сладковато-мясной аромат. А-Чэн уставился на блюдо, как зачарованный. Он никогда такого не пробовал, даже не видел, но запах — сладкий, с лёгкой кислинкой, вкупе с мясной основой — буквально сводил с ума. Всё нутро сжалось от голода.

Дом Сюн держал скотину — свиней, овец, так что мясо в хозяйстве было, это не вызывало удивления. Но вот такое блюдо...

— Видите ли, — проговорил А-Чэн, не теряя ни улыбки, ни вежливости, — мы с господином с самого утра в пути, почти ничего не ели, да ещё и в такую погоду — сами знаете, дорога тяжёлая. Мы, честно говоря, уже валимся с ног от усталости и голода. Не могли бы вы приготовить нам несколько блюд? Уверяю вас, мой господин не пожалеет за это щедрой платы.

Вот этого Тан Шоу и ждал.

— Конечно можно, — великодушно кивнул Тан Шоу, — хотите поесть — пожалуйста, у нас всё по-честному, цены открытые, обмана не будет. Только сразу предупреждаю: мои блюда отличаются от обычной крестьянской стряпни. Я серьёзно подхожу к специям, к сочетанию вкусов. Некоторые из моих рецептов вы не найдёте даже в ресторанах Юйлиня, а уж в Дунцзине — и подавно. Так что цена может быть выше обычной.

Блюдо, которое он сейчас готовил — гуобаожоу — А-Чэн, конечно же, не встречал ни в одном из ресторанов Юйлиня. Вид у него был вызывающе изысканный, и вкус — судя по запаху — явно был на высоте.

— Ладно, говорите, сколько.

— Я собираюсь приготовить для вашего господина четыре блюда, — стал перечислять Тан Шоу. — Первое — гуобаожоу, 28 вэнь за тарелку. Потом сделаю ещё люжоудуань — жареные мясные кусочки в соусе, тоже 28 вэнь. Третье — шицзытоу, «львиная голова», мясные шарики с подливой — мясное блюдо, 30 вэнь. И последнее — мала доуфу, острый тофу по-сычуаньски, в качестве овощного дополнения, за 10 монет. Не переживайте — хоть тофу и звучит просто, но в моём исполнении ваш господин язык проглотит.

А-Чэнь было собрался отказаться от тофу — мол, что там особенного, — но после последних слов прикусил язык. Интересно же, что он с ним сделает, если уж так уверен.

А тем временем Сюн Чжуаншань вернулся с писарем. Пришёл один из немногих в деревне грамотных людей по имени Цзи Цай. Он сел записывать контракт, за что Тан Шоу вручил ему 1 вэнь в качестве платы за каллиграфию.

Контракт был составлен, подписан, и с Ван Сюна взяли задаток — целый гуань, то есть тысячу медных монет. Всё шло как по нотам.

У семьи Сюнь поначалу даже не было стола — всё ели, как водится, с колен. Только позже, по настоянию Тан Шоу, Сюн Чжуаншань соорудил стол сам. Он вышел наподобие старомодных кань-чжуо — низких столиков, что были популярны в 70–80-х годах в будущем времени Тан Шоу. Только вот складным он не был — на железные петли не хватило средств, металл нынче дорог, поэтому обошлись простым, но прочным деревом. И теперь этот самый стол, сделанный «на первое время», пригодился как нельзя кстати — для знатного гостя из Юйлина.

Ван Сюн скользнул по нему взглядом — столешница выглядела грубовато, неотёсанно, но внимания не обратил. Деревня же, что с них взять. Да и сейчас вся его душа была сосредоточена на одном — на еде.

Когда на стол поставили четыре блюда, он невольно сглотнул. Пусть посуда и была самой обыкновенной — грубая деревенская керамика, кое-где с потёртостями, — но аромат, поднимающийся от каждого блюда, был таким, что от него буквально дрожали пальцы.

Три блюда он вообще прежде не видел. А четвёртое вроде бы было тофу, но этот насыщенный, алый цвет... такого приготовления он точно никогда не встречал.

Он уже не мог терпеть, схватил палочками первый кусок гуобаожоу и отправил в рот. И тут же услышал, как тонкий, хрустящий звук — крэк! — отдался даже в ушах. Один только этот звук был как обещание удовольствия. А уж когда вкус заполнил рот... сначала — лёгкая кислинка, затем — обволакивающая сладость, и всё это на фоне тёплого, сочного мяса. Ни следа специфического запаха овцы, не похоже и на говядину... Неужели это — свинина?

Но как простое, дешёвое мясо — свинина! — может быть приготовлено так? Это ведь был по-настоящему божественный вкус, вкус земли, но очищенный, возвышенный, пронзительный. Настоящее вкусное совершенство. То, что он считал выдумкой — будто бы торт родом из дворца — теперь уже не казалось преувеличением. Нет, теперь он верил: человек, способный приготовить вот это, точно мог быть учеником императорского повара.

Он осознал: такой еды он не ел нигде. Ни в Юйлине, ни — тем более — в родовом доме в Дунцзине. И пусть даже там, у столичных корней рода Ван, сидят в золоте и шелках — такого у них точно нет.

Ему по-настоящему повезло.

Попробовав то ярко-красное блюдо, которое внешне действительно напоминало тофу, Ван Сюн сначала только удивлённо приподнял брови — и точно, это был тофу. Но такое... Небеса! Эта острота не обжигала — она пробуждала, разжигала аппетит, будто каждая крупинка перца звала: «Ешь ещё!», подстёгивала жадно искать следующий кусок. Хотелось схватить чашку риса и с жадностью вывалить в рот целую кучу, чтоб огонь и вкус слились в одно — и дать себе насытиться по-настоящему.

Ван Сюн ел с таким азартом, что жир блестел на подбородке, руки были заняты непрерывно. О вчерашнем вялом ковырянии в блюде, когда он сидел в доме Ван, теперь не осталось и следа.

Сейчас он ел так, будто не ел месяцами, и, глядя на него, казалось, что он вот-вот захочет отрастить еще четыре рта, чтобы не пропустить ни одного вкуса. Каждое блюдо манило, каждое хотелось вкусить снова и снова, но выбирать — это же пытка! Каждый раз, когда он тянулся за палочками, чтобы решить, что взять — гуобаожоу или львиную голову, или острый тофу — это был настоящий душевный раскол. Как выбрать между совершенствами?

Он ел — и был счастлив.

*Гуобаожоу □ □ □

Люжоудуань □ □ □

Острый тофу □□ □□

<http://bllate.org/book/13592/1205353>